

ЗАБЫТАЯ РЕЦЕНЗИЯ ДОСТОЕВСКОГО

Публикация С. В. Белова

Заметка Достоевского об игре Васильева в пьесе А. Н. Островского — «Грех да беда на кого не живет» является единственной театральной рецензией писателя. Эта заметка не окончена, она была впервые опубликована в «Северном вестнике», 1891, № 11, стр. 32—34 с некоторыми ошибками и неточностями, а затем не входила ни в одно издание сочинений Достоевского и осталась почти не известной советским исследователям. Лишь М. П. Алексеев в статье «О драматических опытах Достоевского» (сб. «Творчество Достоевского». Одесса, 1921, стр. 41—62), Р. В. Плетнев в статье «Eine Theaterkritik von Dostojewskij» (сб. «Dostojewskij-Studien». Reichenberg, 1931, S. 99—104) и В. С. Нечаева в книге «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских „Время“» (М., «Наука», 1971, стр. 222—223) обращались к этой рецензии.

В недавно вышедшей книге «Достоевский и музыка» (Л., 1971) А. А. Гозенпуд высказал вполне резонное предположение, что рецензия Достоевского предназначалась для журнала «Время» и была откликом на статью А. А. Григорьева «Петербургский театр». Статья Григорьева, напечатанная в журнале «Время» (1863, № 2), начиналась словами: «Эта игра мочаловская, игра, от которой забывается сколько-нибудь нервный зритель» (стр. 82), и заканчивалась повторением той же характеристики: «Это была настоящая игра трагического артиста. Настоящее имя для такой игры — *мочаловская игра*» (стр. 86). Как бы продолжая статью Григорьева, Достоевский в начале своей рецензии пишет: «„Мочаловская игра!“ — ведь это уж слишком много сказать» (подчеркнуто везде мною. — С. Б.).

Достоевский, очевидно, не успел закончить рецензию ввиду закрытия журнала. Печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ,

ОБ ИГРЕ ВАСИЛЬЕВА В «ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТ» (1863)

Вы хотите, чтоб я описал вам мое впечатление от игры Васильева¹ в роли Краснова. Прежде всего (признаюсь откровенно) до этого раза я не видал его никогда. Знаете ли что? Я вошел в театр с предубеждением к Васильеву. Я слышал такие похвалы ему от тех, которые уже видели его в «Грех да беда»², что во мне невольно родилось сомнение. «Мочаловская игра!» — ведь это уж слишком много сказать. А между тем для меня его игра действительно оказалась чем-то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в трагедии актера, подобн(ого) Васильеву.

Драму Островского я читал два раза и был на первом представлении, в котором играл Краснова г. Бурдин³. Лицо Краснова до того уже было понятно из чтения, что я без большого труда догадался, что господин Бурдин очень мало понял в своей роли, т. е. может быть и понял, да выразил совершенно обратно. До сих пор не могу догадаться, для чего он все старался рассмешить публику? Мне кажется, приготавливаясь к представлению, он прочел предварительно в одном из последних номеров «Русского

вестника» афоризм, заключающийся в том, что можно увидеть все на свете, всякую возможную диковинку, но одного только нельзя никогда увидеть: это русского купца влюбленным. Таким образом, «Русский вестник» отнимает у русского человека чуть не последнюю способность человеческую, так сказать, уже животную способность: любить и ревновать...⁴

Г-н Васильев в роли Краснова играл человека, себя уважающего, серьезного, строгого и как будто очищенного своей страстью, как будто несколько отрывающегося от своей среды. Видно, что в нем крепко засело что-то новое, что-то вроде неподвижной идеи, овладевшей всем существом его. Видно, что с этим человеком уже три года совершается что-то необыкновенное. Три года он любит без памяти и ходит как отуманенный от любви к своей пустынькой Тане, которой только разве некоторая совершенно еще детская неразвитость мешает сделаться также цивилизованною по «благородному», как ее сестрица, девица Жмигулина, и говорить ко всякому слову: «Мы к этому не привыкли, потому что мы другого совсем воспитания». Влюбленный Краснов до того ничего не понимает в жене своей, от страсти к ней, что даже готов видеть в ней до сих пор что-то высшее, что-то чрезвычайно отходящее вверх от него и от его среды. И замечьте: весь этот взгляд уживается в нем вместе с глубоким самоуважением и с уважением ко всему правдивому и человеческому, даже и в своем быте. Но разум его как-то ударился в одну сторону. Краснов до сих пор, после трех лет доказанной невозможности, верит в то, что жена еще его полюбит: «любовь через пять лет иногда приходит», — думает он про себя. Он любит страстно, и хоть вы от него никогда не дождетесь рабского самоуничужения, но Таня видимо властвует всей душой его и стала его кумиром. Афоня, большой брат его, свидетельствует, что он перед ней на коленках стайвал и всю родню на нее променял. Любовь растет все больше и больше. Родню, хоть он и принимает у себя, но как-то больше по обычаю, чем по сердцу, как-то рассеянно; ни о чем-то он сам не заговорит; ничего-то в городе, в его среде его не интересует. Он брезгливо слушает самодурные выходки своего родственника и объявляет ему, что это все только один кураж. За язвительное слово против Тани он тотчас же выгнал сестру из дому, из-за чаю. Этому человеку такие разрывы с своей средой уже стали теперь ничем. Таня — вот его мечта; когда-то она его полюбит? — вот его забота и мука. Что говорят о Тане, как глядят на такую красавицу другие, завидуют ли ему, что у него красавица-жена — вот покамест все его наслаждения, все его счастье... Да, актер прежде всего лицедей, а все это созданное поэтом лицо, я увидел во плоти и крови в игре Васильева и воочию убедился, что лицо это — правда.

А между тем начинается драма; в Краснове разгорается желчь и ревность. Вообще это желчный человек: он своего не отдаст, не уступит никому и в сделки не войдет ни в какие, хотя бы он был так же цивилизован, как герои «Подводного камня»⁵. Натура останется, выскажется, и это — натура, а не самодурство. Этому человеку половинки ненадобно. Таня до того пуста, что даже не понимает, не подозревает, какой ужас в судьбе ее, не понимает, как страшна эта страсть, чем она грозит, что обещает и чем все это может кончиться. Ей просто скучно и больше ничего. «Образованность» и презрение к «мужику» препятствуют разглядеть и ее сестрице, в каком крайнем положении находится Таня. От скуки, от какой-то детской тоски Таня бросается на первую встречу — на гаденького Валентина Павловича Бабаева. При встрече с ним ей вспомнились первые годы юности, ее первый рассвет, в богатом барском имени, где было столько хороших кавалеров, где барышни так хорошо одевались, так резво играли в саду, бегали с кавалерами в горелки. Воспоминания о горелках может быть нравятся ей больше всего даже и теперь, больше

НИВА

№ 1 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1878

Выходит еженедельным яном в два листа съ 4-8 рисунками и еженедельно даровыми приложениями парижских модъ (съ 30 до 40 рис.) и листа чертёжей (съ 24 до 36) выкроекъ, Даровыми же листами: 1) 25 и 26 съ 20 и 21

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ
«НИВА».

Без доставки съ С.-П. Бурга 4 р.
Съ доставкой 5

Без доставки съ Москвы съ пересылкою посылочными 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи 6

На полгода без доставки 2 руб. съ доставкой 3 руб. 50 коп., съ пересылкою посылочными 3 руб.
На четверть года без доставки 1 руб. съ доставкой 1 руб. 75 к., съ пересылкою посылочными 1 руб. 50 к.
Копюра журнала „НИВА“ посылается въ С.-П. Бурга, на С. Морской, въ д. № 7.

При этомъ № приваляется: «ПРИЖИЖИ МОДЫ» въ ИЮНЬ съ 26 рисунками и голландскимъ листомъ съ 27 чертёжами выкроекъ изъ натуральной величинѣ и съ 22 рисунками руководящихъ работъ и 22 выкроекъ для шитья блузы

Федоръ Михайловичъ Достоевскій

Федоръ Михайловичъ Достоевскій безспорно принадлежалъ къ самымъ талантливымъ и популярнымъ русскимъ писателямъ настоящаго времени. Но прежде чѣмъ говорить о его значеніи въ современной русской художественной литературѣ, приходилось бы изъяснить некоторые факты его жизни съ нимъ самимъ.

Федоръ Михайловичъ родился въ 1821 году, въ Москвѣ. Отецъ его былъ докторъ и нѣкогда былъ и о. семство. Очень рано у Федора Михайловича оказалась неудержимая страсть къ художественной литературѣ и исторіи. Въ пятнадцатъ лѣтъ онъ уже прочелъ почти всего Вальтера-Скотта, а исторію Карамзина узналъ наизусть. Принадлежалъ Федоръ Михайловичъ и къ его старшему брату Ивану перешелъ изъ Москвы въ Петербургъ, для опредѣленія въ учебно-наблюдательное училище. Здѣсь для юноши начался «свертывающійся» періодъ жизни. Господя объ этомъ времени Федоръ Михайловичъ воспоминаетъ, но, вспоминая, свое

Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Съ фотографіи рис. и грав. А. Неймана.

встрѣлъ съ Иваномъ Николаевичемъ Шеншелевымъ. Шеншелевъ и безспорно не мало много чуждого человека. Но съотри на большое образованіе и таланты, Шеншелевскій не оставилъ на себя каждаго изъ этихъ литераторовъ, но онъ остался въ весьма добромъ уваженіи, подготовилъ даже по сѣтямъ и въ Достоевскій, а потому его имя особенно много стѣсняетъ стѣснить современности.

Черезъ годъ по переездѣ въ столицу братья Достоевскіе арестованы политическимъ обстоятельствомъ, и много способствовали къ освобожденію. Съ этого времени въ началѣ 1849 года братья Достоевскіе арестованы политическимъ обстоятельствомъ, и много способствовали къ освобожденію. Съ этого времени въ началѣ 1849 года братья Достоевскіе арестованы политическимъ обстоятельствомъ, и много способствовали къ освобожденію.

ДОСТОЕВСКІЙ
Гравюра А. Неймана, 1878, по фотографіи Н. Досса. Петербург, 1878
«Нива», 1878, № 1

самого Валентина Павловича. Этот Валентин Павлович, которого некоторые наши критики приняли за человека любящего, чуть не страдающего, за жертву самодурства и во всяком случае как протест самодурству, — гораздо хуже дурака и собственно тем, что он еще не вовсе дурак, а между тем также пошел, как дурак. Этот светящийся червячок, который своему лакею, за грубость его с уездным подъячим, замечает: «как ты груб», — в то же время безо всякого угрызения совести, даже как-то невинно, т. е. совершенно несознательно, увлекает женщину, начинает с ней любовь и даже чуть-чуть ей самой не говорит: что это все *pour passer le temps**, потому только, что скучно четыре дня без клубнички сидеть в городишке; и говоря это, он считает себя совершенно правым перед своею совестью.

ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, ед. хр. 81, лл. 186—187.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Павел Васильевич *Васильев 2-й* (1832—1879) — известный трагический актер. В 1847 г. окончил московское театральное училище и в течение 13 лет играл во многих провинциальных театрах, исполняя самые разнообразные роли. В 1860 г. Васильев заменил на петербургской сцене только что умершего Маргынова и скоро прославился в ролях Любима Торцова («Бедность не порок» Островского) и Расплюева («Свадьба Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина). В Александринском театре Васильев играл до 1874 г., а затем поступил в московский «Общедоступный театр». Лучшие роли Васильева — в пьесах Островского.

² Пьеса Островского «Грех да беда на кого не живет» была впервые напечатана в журнале «Время», 1863, № 1. Первое представление состоялось 21 января 1863 г. в Малом театре в Москве; в роли Краснова выступил Пров Садовский. Второе представление было в Александринском театре 23 января 1863 г. Роль Краснова поочередно исполняли П. В. Васильев и Ф. А. Бурдин.

³ Федор Алексеевич *Бурдин* (1827—1887) — актер и переводчик; в 1847—1883 гг. — актер Александринского театра, исполнитель ролей в пьесах Островского. Бурдин с успехом выступал в бытовых ролях, однако героические и драматические роли ему не удавались, он играл их с ложным пафосом. А. Григорьев, резко критиковавший исполнение этих ролей Бурдиным, охарактеризовал такую игру как «бурдинизм», термин этот, по словам Григорьева, «распространился в театральном мире с замечательной быстротой» («Эпоха», 1864, № 1, стр. 422; № 3, стр. 240). В июльской и сентябрьской книжках «Эпохи» 1864 г. в статьях Д. В. Аверкиева появились также отрицательные отзывы об игре Бурдина. В ответ на это Бурдин направил резкое письмо Достоевскому как редактору «Эпохи», обвинив его в закулисных интригах, клевете и т. п. Сохранился черновик ответа Достоевского Бурдину (ноябрь — декабрь 1864 г.), в котором Достоевский пишет: «Если же я пропускал неодобрительные отзывы о вашем таланте, то единственно потому, что с этими отзывами я был сам согласен <...> Поверьте тоже, что всякий ваш успех, всякое действительное проявление вашего дарования мы встретим в нашем журнале с радостью. Я твердо убежден, что такие роли в вашем репертуаре существуют и искренне желаю вам полнейшего достижения цели. Искусство, которому вы служите, — высокое и благородное искусство. Но оно — трудное, очень трудное искусство и даже избранным талантам, даже гениям не дается даром» («Письма», I, стр. 391—392).

⁴ Достоевский имеет в виду повесть беллетриста А. П. Голицынского «Шестая часть света» («Русский вестник», 1862, январь — февраль), в которой есть такие строчки: «Но я готов прозакладывать свою голову, что вам не случилось встретить когда-нибудь влюбленного русского купца!»

⁵ Роман М. В. Авдеева (отдельно издан в 1863 г.), написанный в подражание Тургеневу, посвящен теме лишнего человека и трагическому положению женщины в дворянском обществе.

* чтобы провести время (*франц.*).